

Орест Миллер

**Опыт исторического обозрения русской
словесности**

Выпуск 1. От древнейших времен до татарщины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-65

О-65 **Орест Миллер**
Опыт исторического обозрения русской словесности: Выпуск 1. От древнейших времен до татарщины / Орест Миллер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 819 с.

ISBN 978-5-518-10286-6

ISBN 978-5-518-10286-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Полная, соответствующая всемъ требованіямъ науки, исторія русской словесности, при все еще недостаточной разработкѣ нашихъ историко-литературныхъ данныхъ, въ настоящее время едва-ли возможна. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ преподаванія нельзя обойтись безъ книги, которая бы представляла въ строгой исторической системѣ все то, что уже достаточно разъяснилось и опредѣлилось при помощи монографій, и такимъ образомъ избавляла учителя отъ утомительнаго и даже убыточнаго труда собирать и приводить въ порядокъ разбросанное по различнымъ изданіямъ. Для полного удобства, при такой книгѣ должна находиться и приспособленная къ ней историческая хрестоматія.

Первымъ дѣломъ составителя такого руководства и такой хрестоматіи должно быть—съ точностію опредѣлить себѣ, что именно можетъ и должно быть отнесено къ словесности, и что не относится къ ней. Несоблюденіе этого требованія внесло въ наши историческіе курсы словесности и въ наши хрестоматіи много такого, что собственно должно быть отнесено къ исторіи русскаго языка, русскаго права, русскаго церкви, или къ наукѣ русскыхъ древностей. Такимъ образомъ вниманіе учащихся обременяется множествомъ разнохарактернаго матеріала, въ результатѣ же они остаются въ полномъ невѣдѣніи на счетъ отличительнаго характера собственно-литературныхъ произведеній, а потому и на счетъ того, много ли такихъ произведеній на языкѣ отечественномъ? Между тѣмъ степень, занимаемая собственно литературными богатствами народа, составляетъ одинъ изъ признаковъ степени его развитія вообще.

Съ другой стороны пора дать болѣе видное мѣсто въ хрестоматіяхъ и въ историческихъ обзорѣніяхъ отечественной словесности, — устно-народнымъ произведеніямъ, изученіе которыхъ особенно важно у насъ, такъ какъ въ нихъ-то по преимуществу выражается нашъ народный характеръ,

до сихъ поръ еще мало успѣвшей себя проявить въ нашей далеко не самостоятельной письменности.

Ежели съ появленіемъ послѣдней и не у насъ однихъ были естественнымъ образомъ сопряжены необходимыя для успѣховъ развитія заимствованія изъ-чужа, то у насъ какъ-то особенно долго длилось рѣшительное преобладаніе подобныхъ заимствованій, при особой же односторонности ихъ, они стали дѣйствовать прямо въ ущербъ нашей народной самостоятельности. Отъ самаго крещенія Руся и до временъ рѣшительнаго усиленія московскаго государства мы видимъ книжную нашу словесность подъ исключительнымъ, можно сказать, вліяніемъ византійскимъ.

Періодъ этотъ естественнымъ образомъ распадается на два отдѣла: до Монголовъ и послѣ Монголовъ. Въ первомъ—не смотря на значительный разрывъ между книжною и устною словесностью, все-таки подается еще надежда на ихъ сближеніе, и книжная словесность отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ и значительнымъ богатствомъ. Во второмъ, вслѣдствіе задержаннаго умственнаго развитія, книжная словесность бѣднѣетъ, становится одностороннею, и разрывъ между нею и устною словесностью окончательно упрочивается. Въ періодъ возвышенія московскаго государства начинаютъ къ намъ проникать первые слабые проблески западнаго вліянія—частію черезъ Новгородъ, частію въ Литвы. Въ XVII в. западное вліяніе рѣшительно усиливается, проникая къ намъ изъ южной Руси при посредствѣ кievской академіи. Наконецъ въ XVIII в. оно окончательно торжествуетъ вслѣдствіе реформы Петра, и, съ одной стороны благотворно сказываясь усиленіемъ сатиризма (съ Кантамира) и стремленіемъ къ самостоятельности въ наукѣ (съ Ломоносова), съ другой только поддерживаетъ совершенный схоластицизмъ во всѣхъ остальныхъ явленіяхъ литературы (первые проблески жизни сказываются развѣ въ лиризмѣ Державина). Наконецъ послѣдній періодъ, начинающійся (при Карамзинѣ) стремленіемъ къ общедоступности и сближенію со всею массою читающей публики, ознаменовывается, уже въ ближайшее къ намъ время, и попытками сблизиться съ общенародною жизнію. Вліяніе западной образованности въ концѣ концовъ приводитъ насъ и къ труднѣйшему изъ всѣхъ знаній, къ познанію самихъ себя. Мы начинаемъ наконецъ сознавать, что образованность и народное своеобразіе вовсе не исключаютъ другъ друга. Мы усматриваемъ уже, что ежели въ недѣлимомъ именно образованностью и развивается личность, то настоящая, основательная образованность не можетъ не содѣйствовать и развитію личности въ цѣломъ народѣ; народную же личность составляетъ, какъ извѣстно, его народность. При такой точкѣ зрѣнія не можетъ не получить особеннаго значенія и вопросъ о народности въ литературѣ. Уже не исключительно эстетическими, а жизненно-народными интересами обуславливается въ наше время ея достоинство. Становится первостепен-

нимъ дѣломъ узнать, какъ великъ тотъ кругъ, на который могло распространяться дѣйствіе того или другаго писателя. А съ тѣмъ вмѣстѣ становится необходимымъ опредѣлить взаимныя отношенія обще-народной мысли къ направленію умовъ въ образованномъ классѣ, другими словами — отношенія устно-народной словесности къ письменности. На эти-то отношенія имѣется въ виду обратить вниманіе въ настоящемъ трудѣ. Новостью задачи пусть будутъ хотя до нѣкоторой степени извинены его недостатки. Съ другой стороны, ежели неизбѣжнымъ образомъ, вслѣдствіе подобной новости дѣла, многое должно еще оставаться предположеніемъ, догадкою, то авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что свое «Историческое Обозрѣніе Русской Словесности» предназначаетъ онъ не прямо для учениковъ, (какъ христоматію), а для учителей, какъ посредниковъ между нимъ и учениками. Пусть учитель отбрасываетъ все то, что покажется ему недостаточно положительнымъ и доказаннымъ въ этой книгѣ. Авторъ будетъ чрезвычайно доволенъ, ежели, не выполнѣ удовлетворивъ своими рѣшеніями многихъ вопросовъ, онъ вызоветъ нашихъ преподавателей на самостоятельную работу надъ ними.

ВВЕДЕНІЕ.

Языкъ, словесность, литература.

Въ нашей старинной литературѣ вмѣсто слова народъ употребительно было слово языкъ, т. е. народъ и языкъ значили одно и то-же. И дѣйствительно, значеніе этихъ словъ тѣсно связываетъ ихъ между собою: всѣ люди, отъ природы говорящіе однимъ языкомъ, составляютъ одинъ народъ, какъ всѣ, одаренные вообще даромъ слова, составляютъ одинъ родъ человѣческій.

Безъ дара слова человѣкъ не былъ бы человѣкомъ. Главное въ человѣкѣ составляетъ то, что онъ есть существо по преимуществу мыслящее; а мыслить безъ словъ нельзя. Мы говоримъ не только тогда, когда слова наши звучатъ, обращаемыя къ другому лицу; мы внутренне говоримъ и тогда, когда думаемъ про себя. Каждая мысль есть уже неизбѣжно и сочетаніе словъ.

Хотя мыслить безъ словъ нельзя, хотя человѣкъ сталъ бы сочетать слова, т. е. говорить, и въ томъ случаѣ, если бы былъ совершенно одинъ на свѣтѣ, однако же говорить въ полномъ смыслѣ этого слова значить — сообщать слова, т. е. мысли, другому. Такимъ образомъ даръ слова служитъ человѣку связью съ другими людьми. Благодаря ему, становится возможнымъ обмѣнъ мыслей между людьми, и люди сознаютъ, что находятся между собою въ духовномъ родствѣ.

Но люди, живя въ различныхъ странахъ и въ особыхъ климатахъ, а потому и испытывая особыя впечатлѣнія, стали выражать мысль свою, т. е. облакать ее въ слово, говорить, болѣе или менѣе различно, въ каждой странѣ — по своему. Тотъ особый способъ образованія и сочетанія словъ, какой сталъ употребляться населеніемъ той или другой мѣстности, составилъ его языкъ. Въ языкѣ выразилась вся особенность мысли народа, все, что стало его отличать отъ людей другихъ мѣстностей, что сдѣлало его между ними какъ бы особымъ лицомъ — народомъ. Какъ вообще человѣкъ безъ свойственнаго ему дара слова еще недостаточно бы отличался отъ прочихъ животныхъ, такъ безъ свойственнаго ему одному языка народъ не отличался бы отъ другихъ народовъ. Пока народъ сохраняетъ языкъ свой, онъ еще продолжаетъ жить своею особою жизнью, хотя бы его покорилъ другой народъ. Но если народу побѣдителю удастся отучить его отъ употребленія роднаго его языка, онъ долженъ будетъ окончательно умереть какъ народъ. Народъ и языкъ нераздѣльны ¹⁾.

Когда, въ незапамятныя времена, отдаленнѣйшіе наши предки, вмѣстѣ съ предками другихъ европейскихъ народовъ, жили еще въ одной мѣстности, въ средней Азіи, то говорили однимъ языкомъ (нѣкоторыя черты котораго сохранилъ древній письменный языкъ Индійцевъ — санскритскій) и составляли одинъ народъ. Впослѣдствіи же, когда часть этого народа-праотца осталась въ Азіи, гдѣ заняла преимущественно Индію, часть вышла въ Европу и разсѣялась по всему пространству этой части свѣта (почему всѣ вообще народы, происшедшіе отъ этого народа-праотца, называются индо-европейскими), то разсѣявшіеся — въ каждой мѣстности стали говорить особымъ языкомъ, т. е. распались на нѣсколько особыхъ народовъ. Тѣ, которые поселились въ мѣстности, прилежащей среднему и нижнему теченію Дуная, стали говорить языкомъ славянскимъ и составили народъ славянскій. Но и этотъ народъ впослѣдствіи разошелся по различнымъ мѣстностямъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій сталъ говорить хотя и сходными между собою, но все-таки разными языками, а потому и распался на разныя, хотя и родственныя народы. Тѣ изъ Славянъ, которые поселились на родной намъ равнинѣ восточной Европы, стали говорить языкомъ русскимъ, т. е. составили народъ русскій. Но обширна страна, занятая народомъ русскимъ, много въ ней разныхъ мѣстностей, а по различію мѣстностей появились и различія въ языкѣ, которыми говорили Русскіе той или другой мѣстности. Впрочемъ эти различія не были уже особенно рѣзки, а потому русскій языкъ и распался не на особые языки, а только на особые виды одного и того же языка, или, какъ называютъ, нарѣчія. Ихъ у насъ три: великорусское, бѣ-

¹⁾ Ср. J. Grimm. Gesch. d. Deutsch. Sprache, I. B, v.

лорусское и малорусское ¹⁾). Каждое изъ этихъ нарѣчій въ свою очередь распалось на еще менѣе ровнящіяся, но все-таки разнящіяся между собою виды нарѣчій или говоры. Люди, соединенные между собою однимъ и тѣмъ же говоромъ, еще не составляютъ народа, еще не составляютъ его и люди, соединенные между собою особымъ нарѣчіемъ. Если бы эти послѣдніе съ теченіемъ времени составили особый народъ, то въ то же самое время и ихъ нарѣчіе составило бы особый языкъ, и на оборотъ: если какое-нибудь нарѣчіе возвысится на степень языка, то нѣтъ сомнѣнія, что и люди, имъ говорящіе, обособятся въ отдѣльный народъ. Стало-быть опять только люди, рѣзко отлечающіеся отъ другихъ своимъ языкомъ, составляютъ особый народъ, т. е. такое собраніе людей, которое имѣетъ рѣзко-опредѣлившіяся и не-даромъ принадлежащій ему характеръ. Только народы или, какъ совершенно вѣрно выражались у насъ въ старину, языки, въ состояніи не просто жить, но жить, совершая дѣла замѣтныя и остающіяся, дѣла, которыя, становясь все болѣе и болѣе разнообразными, показываютъ, что народы измѣняются и совершенствуются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и совершенствуется и весь человѣческій родъ. А такъ какъ рядъ измѣненій и усовершенствованій составляетъ исторію, то только народы или языки могутъ имѣть исторію. Говоры и нарѣчія, т. е. люди, употребляющіе ихъ, особой исторіи не имѣютъ, и жизнь ихъ принадлежитъ только къ общей исторіи ихъ народа ²⁾). Но если, не имѣя особаго языка, нельзя имѣть особой исторіи, то только имѣть языкъ еще не значить имѣть исторію. Нѣтъ народа безъ особаго языка; но есть народы, не имѣющіе исторіи, или народы неисторическіе. Народъ имѣющій исторію, т. е. народъ историческій, не только имѣетъ языкъ, но и умѣетъ сдѣлать изъ него самое полное, многостороннее и высокое употребленіе, умѣетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, которое производитъ сперва словесность, а потомъ и литературу. Чѣмъ выше стоятъ народъ въ исторіи человечества, тѣмъ замѣчательнѣе и его литература. И на оборотъ: если литература народа еще бѣдна, то онъ мало еще сдѣлалъ для исторіи; чѣмъ болѣе богатѣетъ литература, тѣмъ многозначительнѣе для человечества становится жизнь народа. Литература есть важное иѣрило достоинства и историческаго значенія народовъ.

Но что же такое она, эта великая сила — литература? Есть народы, не имѣющіе литературы, хотя, разумѣется, имѣютъ языкъ; есть также

¹⁾ Кроме вліянія самой мѣстности, на обособленіе нарѣчій имѣетъ вліяніе также и сосѣдній съ тою или другою мѣстностью языкъ; такъ на малорусское и бѣлорусское нарѣчія имѣетъ вліяніе языкъ польскій.

²⁾ Есть нарѣчія, которыя очень близки къ тому, чтобы быть признанными за особый языкъ, наприм. нарѣчіе малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ Малоруссы имѣютъ, можно сказать, свою исторію, хотя она и находится въ тѣсной связи съ общей исторіей русскою.

народы или языки, не имѣющіе письменности. Но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, чтобы имѣть литературу значило имѣть письменность. Правда, безъ письменности невозможна литература; литературу тѣмъ и слѣдуетъ отличить отъ словесности, что она есть словесность письменная. Тѣмъ не менѣе многое можетъ относиться къ письменности, немало не относясь къ литературѣ. Надо, стало быть, уметь различать языкъ, письменность, словесность и литературу. При помощи письменности языкъ, по природѣ своей только осязаемый для слуха, становится еще видимымъ глазу; при помощи ея, произведенія языка не только удерживаются памятью, всегда болѣе или менѣе ихъ намѣняющею, но и самымъ прочнымъ образомъ сохраняются неприкосновенными въ видимыхъ знакахъ или письменахъ. Словесность — это особенное употребленіе языка, употребленіе его не для простыхъ, обыкновенныхъ, но для высшихъ цѣлей, хотя еще безъ помощи письменности. Литература, это та-же словесность, но при помощи письменности, а потому и обладающая большими и прочнѣйшими средствами ¹⁾.

И такъ письменность только служитъ средствомъ для литературы, но не есть еще сама литература. Съ другой стороны литература отличается отъ словесности только этимъ лишнимъ средствомъ — письменностью. Общаго съ словесностью у нея то, что и та, и другая составляютъ высшее употребленіе языка.

Но что же это за высшее употребленіе? Языкъ, какъ было уже сказано, служитъ во-первыхъ выраженіемъ мысли вообще, во-вторыхъ выраженіемъ мысли, сообщаемой другому, т. е. связью между людьми. Какъ говори сами съ собою или, лучше сказать, сами въ себѣ, такъ и говоря съ другими, мы обращаемъ иногда нашу мысль только на предметы необходимые для нашего существованія или нашихъ матеріальныхъ удобствъ и пріятностей, на предметы насущные, будничные, житейскіе. Это названное, хотя и необходимое употребленіе мысли, а стало быть и языка, можетъ, для большаго удобства, соединиться даже и съ письменностью — въ какихъ-нибудь счетахъ, перечняхъ, дѣловыхъ спискахъ и актахъ, скрѣпляющихъ разныя сделки, въ мѣсяцесловахъ, поваренныхъ книгахъ, и т. п. Все это не можетъ быть выражено безъ помощи письменнаго слова, и между тѣмъ все это не относится къ литературѣ. Но вотъ мысль человеческая поднимается нѣсколько выше: человекъ заботится не только о своемъ существованіи, о своихъ матеріальныхъ удобствахъ, онъ старается также оградить себя отъ всякой обиды, упрочить и обезопасить свое положеніе законами. Эти законы сперва существуютъ въ видѣ уст-

¹⁾ Я считаю возможнымъ такимъ образомъ разграничить значеніе словъ словесность и литература. (Самое происхожденіе послѣдлаго отъ латинскаго litterae (въ первоначальномъ значеніи) — письменна указываетъ на то, что литература есть словесность собственно письменная.)

ныхъ изреченій, сохраняемыхъ памятью; потомъ, уже съ первыми успѣхами умственнаго развитія, они записываются, и изъ нихъ мало по малу составляются цѣлые своды, которые могутъ разрастаться въ большое количество книгъ, и между тѣмъ всѣ эти книги — все-таки не литература. Дѣло въ томъ, что всѣ эти своды законовъ, всякого рода акты и постановленія, словомъ, вся эта дѣловая письменность, все-таки удовлетворяетъ еще только чисто-насущной потребности, клонится только къ окончательному упроченію спокойствія и безопасности. Мысль человѣческая умѣетъ подняться выше; она работаетъ не только надъ тѣмъ, изъ чего можетъ немедленно извлечь пользу, она способна подниматься и къ такимъ предметамъ, отъ которыхъ человѣку не сдѣлается вдругъ ни теплѣе, ни удобнѣе, ни безопаснѣе, отъ которыхъ не прибудетъ у него денегъ въ карманѣ и не умножатся его матеріальныя наслажденія. Мысль человѣческая стремится не только къ тому, чтобы умѣть сдѣлать практическое употребленіе изъ предмета, но и къ тому, чтобы просто узнать его, какъ онъ есть, и почему въ немъ то или другое такъ, а не иначе. Уже у ребенка, едва начинаютъ раскрываться его умственныя способности, пытливость на каждомъ шагѣ сказывается вопросомъ — не только: для чего это? но и — что это и отчего это? И въ этомъ пытливомъ вопросѣ ребенка уже сказывается жажда знанія — ради самаго знанія, безъ всякой дальнѣйшей цѣли; въ немъ уже сказывается стремленіе — составить себѣ о всѣхъ вообще явленіяхъ и предметахъ міра совершенно вѣрное, настоящее, т. е. истинное понятіе, или, что то-же, въ немъ уже сказывается стремленіе къ истинѣ. Пробуждаясь уже въ ребенкѣ, это стремленіе усиливается съ возрастомъ, если только не подавить его неблагоприятныя обстоятельства. Точно также пробуждается и усиливается стремленіе къ истинному и въ цѣлыхъ народахъ; и вотъ, становясь орудіемъ удовлетворенія этому стремленію, языкъ выполняетъ уже особое высшее, не только будничное, не только насущное, назначеніе, и такимъ образомъ вступаетъ уже въ кругъ словесности. И такъ къ этому кругу можно будетъ отнести все то, что выражается языкомъ для удовлетворенія — не насущнымъ, житейскимъ нуждамъ, а чистому, безкорыстному стремленію къ истинѣ.

Кромѣ этого возвышеннаго стремленія, рано пробуждается и другое, столько же безкорыстное. Человѣкъ, стремясь составить себѣ настоящія, истинныя понятія объ всемъ существующемъ, не удовлетворяется тѣмъ, что эти понятія располагаются въ известномъ порядкѣ въ умѣ, онъ стремится представить себѣ явленія и предметы совершенно живо, онъ стремится возобновить, возсоздать ихъ въ воображеніи. При помощи воображенія, изъ понятій, доступныхъ только уму, составляются образы, доступные чувствамъ; и если эти понятія истинны, то эти образы будутъ прекрасны. Мысль не удовлетворяется наконецъ и та-

книги образами, т. е. совершенно живымъ восозданіемъ того, что дѣйствительно существуетъ; ей недостаточно, ей мало дѣйствительно существующаго, она старается дополнить дѣйствительный міръ своими собственными созданіями. Только дополненный ими, міръ представляется ей шюльнъ прекраснымъ, виольнъ удовлетворяющимъ тому стремленію къ прекрасному, которое, на ряду съ стремленіемъ къ истинному, составляетъ жизнь человѣческой мысли или идеи. Міръ, создаваемый идеєю, это міръ идеальный, міръ идеаловъ; дѣйствительно существующее, это, какъ выражаются обыкновенно, дѣйствительность. Уже ребенокъ не удовлетворяется дѣйствительностью; смутное, неясное стремленію къ идеальному заставляетъ уже и его съ наслажденіемъ слушать вымысли. То-же бываетъ съ народами уже съ самаго ихъ младенчества. Но такъ какъ это младенчество не можетъ быть принимаемо въ буквальный смыслъ, то уже во время его народные вымысли способны проникаться глубокимъ смысломъ и служить настоящимъ дополненіемъ къ дѣйствительности. Вотъ и являются сказанія о существахъ, вполне удовлетворяющихъ тому, что въ идеѣ этихъ народовъ составляетъ человѣческое совершенство. Въ этихъ идеальныхъ сказаніяхъ, удовлетворяющихъ такимъ образомъ другому высокому стремленію человѣка — стремленію къ совершеннѣйшей красотѣ, къ идеалу — языкъ получаетъ опять высшее употребленіе, а потому эти сказанія и относятся опять къ кругу словесности. И такъ, чтобы свести въ одно оба вывода, къ словесности относятся все то, что выражается языкомъ для удовлетворенія высшимъ стремленіемъ человѣка: 1) стремленію къ истинному, 2) стремленію къ прекрасному и къ идеалу.

Которое изъ двухъ стремленій пробуждается ранѣе? Едва ли оба они не пробуждаются одновременно; но легче достигаетъ удовлетворенія, а потому и ранѣе крѣпнеть и развивается стремленіе къ прекрасному. Дѣло въ томъ, что способность, служащая этому стремленію, есть воображеніе (и высшая степень его — фантазія); а оно развивается ранѣе и легче, чѣмъ умъ, служащій стремленію къ истинному. Но творческое воображеніе человѣка образуетъ собѣ прекрасныя формы не только изъ человѣческаго слова, — пользуясь для этого имъ, оно называется поэзіей; но оно умѣетъ употреблять для этого и другое, менѣе тонкое вещество: употребляя волнообразныя струны воздуха, образующія музыкальные звуки, оно становится музыкой; употребляя измѣненія человѣческаго лица и движенія человѣческаго тѣла, оно становится мимикой и оркестрикой; употребляя дерево, камень и другого рода твердое вещество, — то получающее, посредствомъ рѣзца, округлость и выуклость формъ дѣйствительно существующихъ, хотя и идеализированныхъ, то получающее отъ человѣка совершенно новыя формы — для зданий, которыхъ назначеніе быть не только полезнымъ, но и прекраснымъ, — творческое воображеніе

становится ваяніемъ (скульптурой) и зодчествомъ (архитектурой); наконецъ, употребляли рисунокъ и краски, расположеніемъ и сочетаніемъ производящіе округлость и какъ бы выпуклость въ плоскомъ пространствѣ, творчество становится живописью. А всѣ эти виды творчества человѣческаго, пятье вмѣстѣ: поэзія, музыка, мимика, оркестика, ваяніе, зодчество, живопись, — все это образуетъ тотъ особый, въ дополненіе къ міру дѣйствительному, человѣкомъ создаваемый, идеальный міръ, который называютъ искусствомъ или художествомъ. И такъ поэзія, т. е. творчество въ области слова или языка, составляетъ только одинъ изъ способовъ удовлетворенія жаждѣ прекраснаго; но способъ этотъ употребляется ранѣе всѣхъ другихъ, и это совершенно понятно: тутъ человѣкъ находитъ вещество для творчества въ самомъ себѣ, въ той тонкой вещественной оболочкѣ, безъ которой не могла бы проявиться мысль его, въ словѣ. Но также очень рано, на помощь этому первому изъ искусствъ приходитъ другое: слово не только произносится, но и мѣрно, музыкально звучитъ въ тѣхъ гармоническихъ сочетаніяхъ, которые образуютъ раз-мѣръ и стихи. Первобытныя поэтическія произведенія народовъ—всегда въ стихахъ, и стихи эти всегда непремѣнно поются. Въ нихъ такимъ образомъ слово человѣческое становится не только поэзіей, но и музыкой. На помощь этой первоначальной, такъ сказать, голосовой, человѣческой музыкѣ, также очень рано приходитъ музыка инструментальная; въ самыя отдаленныя времена пѣсни уже не только поются, но и сопровождаются игрою на какомъ-нибудь, конечно очень простомъ, инструментахъ. Наконецъ, также въ отдаленныя времена, на помощь всѣмъ этимъ первоначальнымъ способамъ достиженія прекраснаго, приходятъ искусства, находящія для себя вещество опять въ самомъ человѣкѣ, но уже не въ его тонкомъ, почти невещественномъ словѣ, а въ движеніяхъ его тѣла: пѣсни начинаютъ сопровождать мимика, и едва ли не ранѣе мимики — пляска (оркестика) *. Вотъ эти-то искусства возникаютъ уже съ незапамятныхъ временъ почти нераздѣльно съ поэзіей, и ихъ, хотя въ слабой степени, мы находимъ у самыхъ грубыхъ, самыхъ, повиднимо-му, матеріальныхъ народовъ. — Остальныя искусства — ваяніе, зодчество (не какъ простая постройка какихъ-бы то ни было обиталищъ для чело-вѣка, а какъ сооруженіе прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ) и живопись, возникаютъ, или по крайней мѣрѣ развиваются только у та-кихъ народовъ, которые способны подвигаться впередъ, т. е. сдѣлаться историческими.

Нераздѣльно съ искусствомъ слова или поэзіей такимъ образомъ воз-никаютъ въ первоначальныя времена и другія поименованныя искусства, всѣ въ своей совокупности удовлетворяющія пробудившемуся, еще младенче-

*) Прямѣромъ всего этого могутъ служить наши хоробы.

свому стремленію къ прекрасному; но съ этимъ стремленіемъ еще нераздѣльно сливается въ первобытныя времена и стремленіе къ истинному. Оно выражается первоначально не столько желаніемъ въ точности получить понятіе о настоящемъ составѣ и значеніи явленій, сколько желаніемъ сразу узнать ихъ причину; не тою постепенностью терпѣливыхъ наслѣдованій, которыя могутъ наконецъ дать отвѣтъ: на вопросъ «что это?» а нетерпѣливымъ любопытствомъ поскорѣе узнать — отчего это? И отвѣтъ на этотъ заманчивый и по настоящему самый трудный, отдаленнѣйшій изъ вопросовъ, дается легко: это потому, что онъ дается тутъ не умомъ, а фантазіей, т. е. высшею степеню воображенія. Тутъ этотъ отвѣтъ не берется, такъ сказать, съ бою, продолжительною, упорною работою ума надъ явленіями жизни, надъ опытомъ, а создается такъ же легко, какъ и поэтическіе образы. Тутъ этотъ отвѣтъ и есть не что иное, какъ поэтический образъ: желая рѣшить, отчего то, или другое явленіе, воображеніе усматриваетъ въ нихъ дѣйствія особыхъ живыхъ существъ, и совершенно удовлетворяется тѣмъ, что считаетъ ихъ виновниками этихъ явленій. Эти особыя существа, эти различныя образы, созданныя воображеніемъ, и ихъ сочетанія составляютъ такъ называемыя мѣны, а изъ нихъ составляется мѣнологія того или другого народа. Какъ созданіе творческаго воображенія, она своими образами удовлетворяетъ чувству прекраснаго; какъ отвѣтъ, хотя и ребячески простодушный, на вопросы ума, она удовлетворяетъ и чувству истины. Въ первобытныя времена это чувство не находить лучшаго удовлетворенія, какъ именно въ мѣнологіи, т. е. въ первобытныя времена это чувство не существуетъ отдѣльно отъ чувства прекраснаго, потому что умъ не обходится безъ помощи воображенія. Мѣны — эта простодушно-фантастическая попытка отвѣтовъ на умственные вопросы, существуютъ у всякихъ, даже у самыхъ грубыхъ народовъ, подобно тому какъ не существуетъ народа, не имѣющаго пѣсень. У народовъ болѣе развитыхъ, способныхъ сдѣлаться историческими, мѣны, кромѣ поэзи, соединяются также съ ваяніемъ: первоначальныя скульптурныя произведенія изображали предметы мѣнологическіе, т. е. и это искусство первоначально служило не только чувству прекраснаго, но въ извѣстномъ смыслѣ и чувству истиннаго. Однако жъ потребность истины сказывалась не только желаніемъ знать, отчего произошли тѣ или другія явленія, но и желаніемъ человѣка въ точности знать, что именно происходило вокругъ него, и сохранять это знаніе памятью, передавать его изъ рода въ родъ. Но и тутъ сейчасъ же примѣшалась фантазія. Разсказъ о дѣйствительныхъ происшествіяхъ немедленно дополнялся вымысломъ, исторія становилась повзвѣй, подобно тому какъ поэзіей была мѣнологія. Впрочемъ уже и въ первоначальныя времена чувству истиннаго удовлетворяла не только одна фантазія: начиналъ уже отчасти работать